

Дошло до нас; скорее! на колени!
«Ворис Годунов».

Театр на Таганке родился в 1964 году. Прожил двадцать лет. И умер в 1984-м.

Жаль беднягу. Но что поделаешь. Театральный век и без того краток. Короче собачьего. А тут еще и политика. Если можно назвать политиками шайку живых трупов: Суслов, Брежнев, Андропов, Черненко.

ИСТОРИЯ

В 1983-м основатель и руководитель театра Юрий Любимов уехал в Англию ставить Достоевского. На премьеру «Преступления и наказания» произошел скандал. Чиновник советского посольства проищел Любимову: «Преступление вы уже совершили. Теперь ждите наказания!» Любимов возмутился, дал очень резкие интервью в «хитную» прессу и отказался вернуться.

Условием возвращения он поставил отмену запрета трех спектаклей: «Живой», «Владимир Высоцкий» и «Борис Годунов».

Власти были очень довольны. Все 20 лет существования Таганки начальство старалось театр задурить. Молчание прессы, запреты постановок, унижительные придиры, дикая безумная цензура — ничего не помогало. Таганка была тогда моднее, чем сегодня Биржа и Презентация вместе взятые. А не напечатавший ни строки Владимир Высоцкий был знаменитее всех печатающихся поэтов (опять-таки вместе взятых).

И вот — такой подарок партии и правительству: Любимов невозвращенец! Таганка покинула самоубийством.

Спектакли еще шли. Еще кто-то верил, что Андропов поправится («простит»). Не поправился. А следующий (Черненко), не приходя к сознанию, лишил Любимова гражданства. Забил, так сказать, осыновый кол.

У меня хранятся программки спектаклей тех лет. Имя автора пьесы — есть, имена актеров — обозначены. А режиссера — нету. Очень похоже на сталинские метрики незаконнорожденных детей: в графе «отец» — прочерк.

Спектакли обреченные. Жить им оставалось недолго. Вскоре их сняли. В последний раз актеры играли потрясающие. Душераздирающие. Похороны.

И Таганки не стало. Главным режиссером назначили Эфроса. Потом он умер.

Театр возглавил (по просьбе коллектива) Николай Губенко — актер Таганки, режиссер кино.

Губенко возглавил и театр, и борьбу за возвращение Мастера. Просил, доказывал, клал голову на отсечение, унижался.

С одной стороны — партийная сволочь (ничего никогда не забывающая и не прощающая), Любимова ненавидящая люто. С другой стороны — капризный, избалованный «на свободе», старый мастер (ничего никогда не забывающий и не прощающий), партийную сволочь ненавидящий люто.

Посередине — мертвый театр, которому силнось, что он — живой. И внутри театра, и вне его многие верили; вернется Любимов — Таганка оживет. Такая русская народная сказка: прискачет Иван-царевич, побрызгает голову и прирастет. Да и сам Иванушка испугается и омолодится.

Губенко добился: Любимов вернулся. Слезы, овалы, бесконечные интервью, восстановление старых спектаклей...

Но слава не вернулась. И успех не вернулся.

За четыре года (1988—1992) — одна полуудача («Пир во время чумы») и одна неудача («Самобийца»).

Естественно, завелись дразни. Кто предал — кто не предал? кто голосовал «за» — кто «против»? кто кланялся Эфросу — кто хамил? Процесс пошел. Тот же, что и во всей стране.

Да еще Губенко, на свою беду, попал в министры культуры. На что надеялся? Бога еще знает. Репутацию потерял, друзей потерял, приобрел призрачную власть, и сво-

ру лизоблюдова, и сомнительную (для артиста) честь открывать дверь перед первой леди, и позорную обязанность защищать Ленина.

Впрочем, теперь, — когда мы насмотрелись на скапады ношеших вице-президента, спикера и министров, — ложность воспринимается несколько иначе.

А Таганка пополнила ряды мертвых театров. Москва уставлена ими, как гробницами. Большой — давно уже не впереди планеты всей, Малый — давно не универси-

пальна и честно относившийся к Театру на Таганке, допустил серьезную ошибку по оценке «здоровья театра». Объявление о переносе спектакля, приказ о написании которого якобы давал Ю. Любимов в связи с болезнью Н. Н. Губенко, вообще не было написано, и срыть было нечего. Спасибо за заботу, господин Трелле! Выздоровляйте! А о своем здоровье мы сами позаботимся. Семен Фарада.

Читал я это с глубоким сочувствием к людям, которых так плохо слушается русский язык. У них есть одно примечатель-

САМЫЙ ПРОГРЕССИВНЫЙ ПАРАЛИЧ

Моск. колесом-молит - 1992 - 19 марта

ФАРСЫ И КОМЕДИИ НА ТАГАНКЕ

тет, МХАТЫ (и «М», и «Ж») — давно не художественные...

Живые театры рожают искусство. Мертвые — размножаются делением. Пришел час, когда Таганка двинулась по пути МХАТА и Ермоловского. Подцепила вирус дележки.

СКАНДАЛ

Меня много раз обвиняли в грубости, непристойности. Увы, заслужил.

Актер Таганки Семен Фарада первый (после одного узбекского журналиста, ныне покойного) обвинил меня во лжи. Это, что ли, такой способ самоубийства?

Вероятно, только театральные круги обратили внимание на два крошечные заметки в «МК». Первая — 26 февраля — «Актер здоров. Театр болен». Вторая — 28 февраля — под малопонятным названием «Отсценко».

Свою заметку я коварно подписал одним из моих постоянных псевдонимов — «Александр Трелле» (есть еще Тригорин, Чебутыкин, Вершинин и много других, но все — Александры).

Ответную заметку Семен Фарада подписал честно: «Семен Фарада». Увы, кроме подписи, ничего честного в его заметке, кажется, не было.

В моей заметке рассказывалось, как Николай Губенко, придя в театр играть Бориса Годунова, обнаружил, что спектакль пытаются отменить «в связи с болезнью артиста Губенко». Я написал, что Губенко лживое объявление сорвал, спектакль сыграл, а распорядился о «болезни» Юрий Любимов.

На следующий день в редакционной столовой на меня налетел возмущенный Фарада с угрозами:

— Это подсудное дело! Вы ответите!

Я, естественно, послал его:

— В суд, а прокуратуру, в Государственный арбитраж.

После чего в кабинете заместителя главного редактора произошел диалог:

ФАРАДА: Как вы могли это написать?!

Ведь для вас Любимов — святой!

МИНКИН: Любимов для меня не святой.

ФАРАДА: Я хотел сказать, святой а сравнении с Губенко!

МИНКИН: Святость не определяется сравнениями с Губенко.

Затем Фарада написал опровержение, согласовал текст с директором Таганки Глаголиным, и «МК» опубликовал их коллективное творчество на первой полосе. Привожу полностью.

«ОТСЦЕНКО. Театр здоров. Трелле болен. 26 февраля в нашей любимой газете — «МК» — под рубрикой «Звездочка» журналист Андрей Трелле, ранее принци-

пальное и честно относившийся к Театру на Таганке, допустил серьезную ошибку по оценке «здоровья театра». Объявление о переносе спектакля, приказ о написании которого якобы давал Ю. Любимов в связи с болезнью Н. Н. Губенко, вообще не было написано, и срыть было нечего. Спасибо за заботу, господин Трелле! Выздоровляйте! А о своем здоровье мы сами позаботимся. Семен Фарада.

Читал я это с глубоким сочувствием к людям, которых так плохо слушается русский язык. У них есть одно примечательное свойство: в какую газету пишут — ту и называют любимой. Но это, видимо, искренне. Остальное, увы, вранье.

Приказ Любимов дал, объявление начали писать, и приди Губенко на 5 минут позже, оно бы висело. И Фарада, и Глаголин это, конечно, знали. И даже бутфорка, который объявление писал, предупредили, чтоб молчал.

Главное же вранье содержится во фразе: «А о своем здоровье мы сами позаботимся».

Уважаемый Семен Фарада, разве не вы в компании с Машей Полицеймако и еще с кем-то из артистов Таганки рассказывали о конфликте в театре миллионам зрителей?

Разве не звонила мне артистка Полицеймако? Разве не приглашал меня директор Глаголин, чтобы рассказать всю правду? Ваша группа обращалась ко мне, рассчитывая, что для меня Любимов святой в сравнении с Губенко. Обращались вы и к другим, демонстрировали видеозаписи безобразных сцен, происшедших на собрании коллектива (часть сценариев в смягченном виде опубликована в «Независимой»).

Звонила мне и другая сторона. И тоже с тем, чтоб рассказать «всю правду».

И я два месяца уклонялся от этих «правд» именно и только потому, что старая Таганка, которую я любил, мертва. А то, что носит ее имя, — боится смертельной склянки, лезть в которую нет никакой охоты.

Любимов хотел «приватизировать театр». Существует проект контракта, который он намеревался подписать с мэром Погосым.

На мне судить — законно ли это. Но дело в том, что лишь небольшая часть актеров, уверяя, что мастер, став хозяином, даст им работу, встала на сторону Любимова.

Большая часть труппы испугалась то ли вылететь на улицу, то ли постоянно жить на грани вылета.

«Любимички» (в том числе и Фарада, и Глаголин) постоянно повторяют, что, мол, за 20 лет Любимов никого не уволил.

Но разве это гарантия, что никого и вперед не уволят? У нас, видите ли, не застой, а подлый рынок. Тогда театр содержало государство. Увольти — не уволят! Решали по любой причине, но не по той, что денег на зарплату нет. Теперь — платить надо из своего кармана. Это — разница. Большая.

Тогда актерам было 30. Теперь — 50. Тогда не было безработицы. Тогда водка стоила 2.87. Тогда Любимову было 60, а теперь ему 75. Это все очень большие различия. А у актеров дети, внуки, а жено... а завтра...

ФАРС

В спектакле «Живой» (о простом мужике, которого душит колхозное и прочее начальство), в «Живом» (может быть, самом дорогим для Таганки), в «Живом» (которого еще Фурцева запрещала, а после Демичева), в «Живом» (который 21 год был под запретом) — в спектакле этом все действующие лица пьют чащушки.

Мы (кого пусkali на репетиции) подыкали со смеху, когда Любимов, Можжев и другие талантливые хулиганы, и все актеры, и вообще все тащили в театр чащушки для «Живого». Звучали на репетициях и матерные, дико смешные, но для спектакля, конечно, отобраны пристойные.

Для секретарши сельсовета (артистка Комаровская) утвердили такую:

Сердце радостно волнуется —
Идем голосовать!
Самых лучших, самых честных
Станем нынче выбирать!

В 1988-м, когда все только о депутатах и думали, это было смешно.

В январе 91-го, на гастролях в Чехо-Словакии, узнали о танках в Вильнюсе. Комаровская сказала: «На буду свою чащушку петь. Стыдно». Заменяли:

Выбирали, выбирали
И довольнялись:
Демократию прикрыли,
В дураках остались.

А недавно в «здоровом театре» вывесили приказ: «...20 февраля артистка Комаровская Л. Г. в спектакле «Живой» исполняла не входящую в текст чащушку антиправительственного содержания... объявить выговор».

Господи! — спрашиваю. — За какую?! — А вот за эту за «выбирали, выбирали». Господи! да что ж в ней «антиправительственного»? И в каком театре! И в каком году!

А кто приказ подписал? А приказ за антиправительственную чащушку подписал художественный руководитель Юрий Любимов, святой (по сравнению).

Зная теперь нравы «здорового» театра, я предупреждаю Фараду и Глаголина: ксерокопий приказа у меня.

— Зачем вы дали Любимову подписать этот приказ? — спросил я директора Таганки.

Глаголин засуетился: — Ну, какой я директор? Я всего лишь директор-распорядитель.

Зачем же вы распорядились так, чтобы в биографии Любимова появилась эта мерзость?

На приказе знакомая подпись. Точно такая же стоит на моем приглательном билете. Билет белый. На нем черным «25 ЯНВАРЯ». Это билет на страшное запрещенное первое представление «Владимира Высоцкого». 25 января 1981 года.

Билет мне подписал отчаянный, антиправительственный и святой Юрий Петрович Любимов.

Сегодня дела плохи. Труппа, перепуганная притязаниями Любимова на абсолютную власть, подумывает о том, чтобы вовсе лишиться его власти. Убрать на театр. Это возможно. И не обязательно «по закону».

Можно устроить такой скандал, так осквернить, что человек сам хлопнет дверью.

17 марта на очередном скандальном полусобрании Таганки раздавали искорки какой-то уголовной заметки. В ней Любимов назван «старым грибом, нуждающимся в опеке», а Губенко, Филатов и Вершинин — «хорошими режиссерами, возглавляющими сегодня Таганку», и людьми «со куда более высокой художественной репутацией, чем была у Любимова». Опять «святые по сравнению».

Полная заметка в одной из новых газет написана вчерашним уголовником, бо саов кого-то за «творческого коллектива». Кто-то хочет Любимова выкинуть? И прибавит ко всем грехам еще и смертный грех отцеубийства.

Александр МИНКИН.

Р. S. Для тех, кто возмутился датой смерти Таганки (1984). Почему же вы не возмущаетесь датой рождения (1964)? Ведь в этом здании и раньше был Театр драмы и комедии. И кто-то их выгнал. Кто?